

УДК 572

РАРИТЕТНЫЕ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ

© 2010 А.А. Хохлов

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, г. Самара

Поступила в редакцию 07.05.2010

В статье представлены краниологические находки, относящиеся к абашевской и вольско-лбищенской культурам среднебронзового века, происходящие из могильников Самарского Поволжья и Приуралья. Приводится их расовая интерпретация и направления генетических связей. Данные материалы рассмотрены также в русле проблемы происхождения древнеуральского антропологического типа в среде населения потаповско-синташтинского круга культур.

Ключевые слова: морфологический тип, краниологические комплексы, расогенетические связи.

Среди насущных археологических проблем эпохи бронзы Поволжья и Приуралья одна является чрезвычайно острой, дискуссионной и практически нерешенной. Речь о культурах в основном лесостепного и лесного ареала – абашевской, вольско-лбищенской, турбино-сейминской. Каково их происхождение, развитие и, главное для региона, степень участия в сложении последующего, яркого и весьма влиятельного на культуругенетические процессы в степях Евразии синташтинско-потаповского круга культур. Парадоксально, но и к современности археология обладает в целом небогатыми сведениями об этих культурах. Соответственно этому существует определенный пробел и в палеоантропологических исследованиях, позволяющих судить о генезисе физического типа человека, уточнять механизмы формирования этнических групп.

Для абашевской культуры известен незначительный по совокупности палеоантропологический материал, происходящий в основном с территорий Среднего Поволжья. На основании этих данных фиксируется весьма неоднородный антропологический состав носителей этой культуры. Черепа могильников Ольгаши, Абашевский, Тауш-Касинский представляют европеоидные комплексы с широким и низким лицом, морфологические тождества которым обнаруживают в краниологических сериях фатьяновской культуры Волго-Окского междуречья и некоторых степных.¹ Самая представительная по численности серия Пепкинского могильника в сумме характеризуется иными признаками – мезоморфией, долихокранией, низким сводом. В своем исследовании М.М. Герасимова и Г.В. Лебединская (1966), во-первых, отрицают вероятность генетической связи населения, оставившего Пепкин-

ский курган, со степными группами, в частности ямной культуры, во-вторых, считают возможным связать его происхождение с западными группами, указывая на морфологические аналогии абашевским черепам среди носителей культуры шнуровой керамики.² Нестандартный краниологический комплекс демонстрирует женский череп из Катергино-Бишево. По мнению Г.Ф. Дебеца, он морфологически негроидный (1948).³ В интерпретации М.М. Герасимова (1955) – это псевдонегроидный комплекс, происхождение которого, возможно, следует связывать с местным неолитическим населением, к примеру балахнинской культуры.⁴ Близкие по структуре черепа этот исследователь видел и в материалах Балановского могильника. В целом большинство специалистов, работавших с абашевской и балановской краниологией, считает, что основным антропологическим компонентом в сложении носителей этих культур был типологически близкий к вариантам средиземноморской ветви. Радикальный взгляд в отношении происхождения населения абашевской культуры продемонстрировал А.В. Шевченко.⁵ По его мнению, зафиксированный здесь негроидный комплекс, также как и узколиций европеоидный вариант, является отражением влияния западно-европейских групп, которые имели до проникновения на восток так называемые евро-африканские связи. По данному автору, усредненный краниологический комплекс, свойственный людям, погребенным под Пепкинским курганом, условно можно обозначить как сиро-палестинский.

Среди палеоантропологических материалов абашевской культуры лесостепной части Волго-Уралья к настоящему времени имеются лишь единичные находки: три черепа плохой сохранности приуральского могильника Чуракаевский и два практически целых черепа из погребений у с.Съезжее Самарского Поволжья.⁶ Чуракаевс-

Хохлов Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры анатомии, физиологии и гигиены человека ЕГФ. E-mail: khokhlov_aa@mail.ru

кие черепа, по мнению автора публикации М.С. Акимовой (1968), имеют в целом европеоидный облик, но при этом собственную специфику среди других известных черепов абашевской культуры.⁷ В частности, автор подчеркивает небольшое выступание носа и тяготение данных находок более к краниологическим комплексам Прикамья, чем к таковым из степных областей. Нужно сказать, что упомянутые черепа Съезженского могильника (рис. 1/ А, Б) ранее ошибочно связывались с энеолитической эпохой. В интерпретации А.В. Шевченко (1980), они, характеризуясь в целом малыми размерами, некоторой уплощенностью лица при субспинальной точке, несильно выступающим носом, представляют крайне грацильный краниологический тип.⁸ Аналогии этим черепам автор находил на материалах из шигирских торфяников, которые, по мнению ряда исследователей, представляют некий урало-лапоноидный комплекс.⁹

На наш взгляд, к этой антропологической формации следует относить не только съезженские, но и чуракаевские черепа. Это мнение сформировано на основе значительного ряда краниологических данных Волго-Уралья от эпохи неолита до средних веков.¹⁰ К этому и в целом относительно расогенеза носителей абашевской культуры у автора данной работы прозвучало дополнение. В первую очередь следует поддержать выводы других исследователей об эмигрантном происхождении основного антропологического варианта абашевской культуры, об отсутствии его прямой генетической связи со степными скотоводческими группами и о широких коммуникативных способностях, проявившихся в том числе в культурной ассимиляции различных аборигенных групп, видимо, также метисации с их представителями. Во-вторых, за свойством таких контактов следует отметить, что по мере распространения абашевской культуры к востоку антропологический состав ее носителей менялся в сторону усиления уралоидных черт. То есть абашевцы Приуралья и тем более Зауралья физически могли быть другими, в альтернативу того, что представляли собой родоначальники данной культуры.¹¹ Следует подчеркнуть, что к особенностям погребального обряда абашевской культуры в Самарском Поволжье и Приуралье относят сооружения погребений, впущенных в чужеродные курганы, и нередко вытянутое положение в них скелетов.¹² Вообще традиция укладки умерших вытянуто на спине известна в регионе еще с неолита-энеолита. В таких захоронениях находились в основном люди именно древнеуральского антропологического типа.¹³ На наш взгляд, вывод о генетической преемственности между отдельными груп-

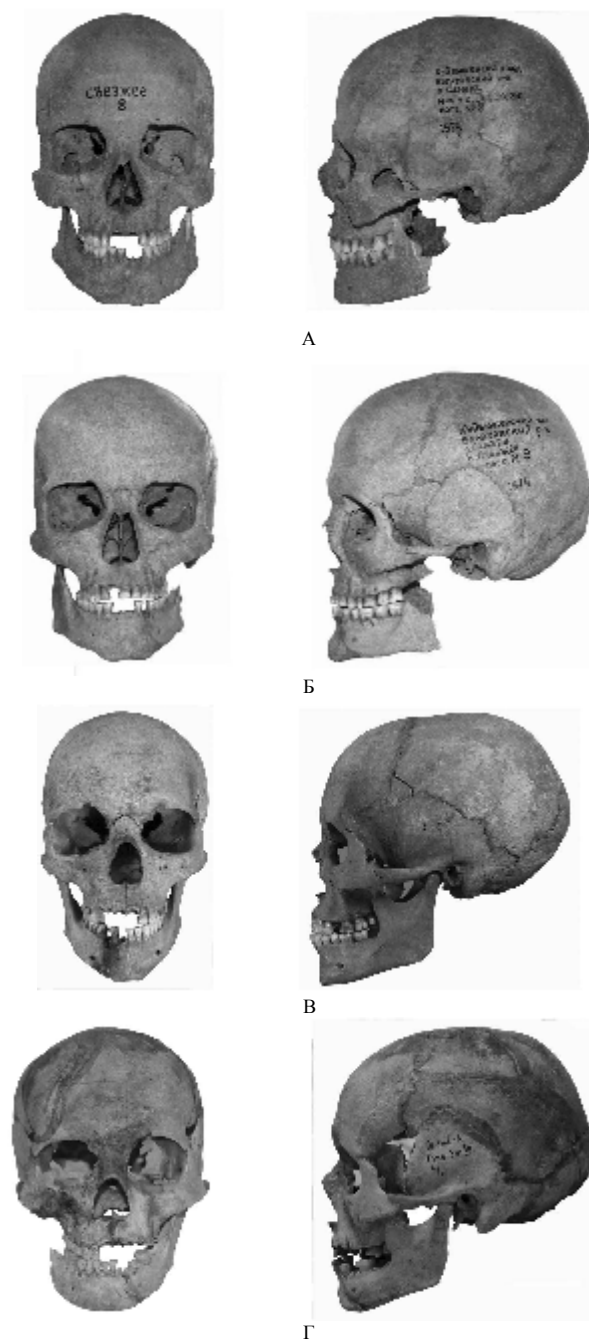

Рис. 1. Черепа эпохи средней бронзы Самарского Поволжья и Приуралья: А – Съезжее I, п.8 (мужской); Б – Съезжее I, п.9 (мужской); В – Гундоровка, п.1 (женский); Г – Тамар-Уткуль VII, к.4, п.5 (женский)

пами населения нео-энеолита, с одной стороны, и носителями некоторых культурных традиций бронзового века, с другой, в ареале лесостепного Волго-Уралья может быть вполне обоснован. В этом направлении работа ведется. И это важно, поскольку именно от этого нужно исходить, рассматривая степень участия абашевских волгоуральских и зауральских групп в сложении последующих местных культур средней бронзы.

В отличие от абашевских материалов, палеоантропологических объектов вольско-лбищенской культуры не было известно вообще. С этой культурой связывают ныне группу погребений №1-5 кургана №4 могильника Тамар-Уткуль VII Приуралья.¹⁴ К сожалению, из данной группы мы имеем только один женский череп ювенального возраста (погр. №5; рис. 1/Г). Он характеризуется короткой по длине (169,0 мм), низкой (124,0 мм), суббрахикранной (79,2 мм) мозговой коробкой, прямо поставленным (88,0°), среднешироким лбом (94,0 мм), сильно преломленной в профиль затылочной костью (120,0°). Лицевой отдел широкий (128,0 мм) и низкий (61,0 мм), по указателю эуриен (47,7), с ослабленной горизонтальной профилировкой, особенно на верхнем уровне (144,0° и 125,0°), мезо-ортогнатный (97,7; 82,0°). Орбиты низкие (30,3 мм), хамэконхные (74,8). Нос узкий абсолютно (22,8 мм) и средний относительно (50,4). На нижней челюсти очень малая высота симфиза (25,5 мм) при очень широкой ветви (36,0 мм). Подбородочный выступ одновершинный, сглаженный. Типологически данный череп сближается с краниумами, обнаруживающими сходство с вариантами древнеуральского типа.

Еще одно захоронение среднебронзового века, в частности у с. Гундоровка Красноярского района (погр. №1), пока не имеет четкой археологической интерпретации. По отношению к общей планиграфии многослойного одноименного поселения, на территории которого оно было обнаружено, элементам погребального обряда и артефактам, его связывают и с вольско-лбищенскими, и с абашевскими, и где-то с постбалановскими культурными традициями, при этом обязательно датируют среднебронзовым веком. Данный череп женский, характеризуется преимущественно средними тотальными размерами мозговой коробки (пр. 1 – 180,0 мм; пр. 8 – 136,0 мм; пр. 17 – 129,0 мм) и лицевого отдела (пр. 45 – 126,0 мм; пр. 48 – 66,0 мм), слабым макрорельефом (рис. 1/В). Черепной указатель мезокранный (75,6), хотя этот индекс явно уменьшен в связи с преждевременным зарастанием сагиттального шва (скафокефалия). Лицевой скелет характеризуется узким грушевидным отверстием (21,9 мм), очень низкими орбитами (30,4 мм), умеренной горизонтальной профилировкой на нижнем уровне (131,0°), мезогнатией (100,0; 82,0°), резкой прогнатией альвеолярной части (60,0°). Необходимо отметить крупные размеры носовых костей в симотической части (12,0 мм и 5,1 мм) при невысоком симотическом указателе (42,5), их слабое выступание в профиль (16,0°). Данный череп входит скорее в круг морфологических форм северно-восточно-европей-

ского происхождения. Некоторые его признаки, в частности форма, размеры и степень выступания носовых костей, альвеолярный прогнатизм, позволяют сопоставить его, например, с черепами «типа Б» балановского могильника, выделенного М.М. Герасимовым (1955) в качестве метисного от контактов между представителями прошлого европеоидного населения и местных верхневолжских групп, генезисом, вероятно, связанных с неолитическим населением балахнинской культуры.¹⁵

Относительно турбино-сейминской антропологии автору уже приходилось писать.¹⁶ Единственные известные черепа Восточной Европы, которые могут быть связаны с этой культурой, происходят из погребений могильника Буланово Приуралья.¹⁷ Один из них (погр. №4) по комплексу черт сублапоноидный, другой (погр. №8) представляет западносибирский вариант монголоидной расы. Вообще, это как будто первый и надежно установленный факт проникновения монголоидного антропологического компонента в эпоху средней бронзы в чужеродную среду, где в степях и лесостепях Приуралья определенно доминировали люди европеоидного облика.

Представленные в работе материалы хотя и единичные, но все тем или иным образом связаны с краниологическими комплексами культур лесостепного и лесного ареала Восточной Европы, Урала и, видимо, Западной Сибири.

Следует подчеркнуть, что в синташтинско-потаповских краниологических сериях ранее неоднократно фиксировались черепа, преимущественно женские, относящиеся именно к вариантам древнеуральского типа, в единичных случаях и к псевдомонголоидным.¹⁸ Связать их с конкретными культурами было весьма проблематичным за отсутствием соответствующих материалов северной половины Евразии.

В настоящее время, к сожалению, крайне медленно и зачастую косвенно, но все-таки накапливаются очень важные исторические сведения, которые позволяют выявить и уточнить реальные механизмы контактов и направления генетических связей коллективов людей бронзового века Волго-Уралья – носителей степных и лесостепных хозяйственно-культурных традиций.

Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ № 09-01-00306а/У и РФФИ №08-06-00136а.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР // ТИЭ. Т.4. 1948; Акимова М.С. Палеоантропологические материалы с территории Чувашской АССР // КСИЭ. Вып. 23. 1955. С.78-92; Герасимов М.М. Восстановление лица по чере-

- пу // ТИЭ. Т. XXVIII. 1955.
- ² Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М. Пепкинский курган (абашевский человек). Йошкар-Ола, 1966.
- ³ Дебец Г.Ф. Указ. соч. 1948. С.85
- ⁴ Герасимов М.М. Указ. соч. 1955. С.523,528.
- ⁵ Шевченко А.В. Палеоантропология срубников Поволжья в сравнительно-антропологическом освещении // Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье. Саратов, 1993. С.101-105.
- ⁶ Акимова М.С. Антропология древнего населения Приуралья. М. 1968; Кузьмина О.В. Абашевская культура в Самарском Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000. С.85-121.
- ⁷ Акимова М.С. Указ. соч. 1968. С.12.
- ⁸ Шевченко А.В. Антропологическая характеристика населения черкаскульской культуры и вопросы его расогенеза // Современные проблемы и новые методы в антропологии. Л., 1980. С.136-183.
- ⁹ Дебец Г.Ф. К палеоантропологии Урала // КСИЭ. Вып. 18. 1953; Дебец Г.Ф. Указ. соч. 1948. С.66-68; Герасимов М.М. Указ. соч. 1955. С.333-334; Герасимова М.М. Ещё раз о древней монголоидности у населения Восточной Европы // Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас. М., 1986. С.227-233.
- ¹⁰ Хохлов А.А. Новые краниологические материалы эпохи неолита с территории лесостепного Поволжья в связи с проблемой происхождения уральской расы. // Вестник антропологии. Вып.1. М., 1996. С.121-141; Хохлов А.А. К вопросу об особой евразийской формации // Вестник антропологии. Вып.2. М., 1996. С.129-146; Хохлов А.А. Формирование уралоидного антропологического пласта и историческая роль его компонентов в расогенезе древних народов Приуралья и Поволжья // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историографии. Уфа, 2007. С.209-216; Хохлов А.А., Яблонский Л.Т. Палеоантропология Волго-Уральского региона эпохи неолита-энеолита // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара. 2000. С.278-307; Акимова М.С. Указ. соч. 1968.
- ¹¹ Хохлов А.А. Об абашевском антропологическом компоненте в могильниках западных районов синташтинско-потоповской культурной общности // Урало-Поволжская студенческая конференция. Тез. докл. Уфа, 1996. С.42-44.
- ¹² Кузьмина О.В. Указ. соч. 2000. С.85-121.
- ¹³ Хохлов А.А. Новые краниологические материалы эпохи неолита с территории лесостепного Поволжья в связи с проблемой происхождения уральской расы. // Вестник антропологии. Вып.1. М., 1996. С.121-141; Хохлов А.А., Яблонский Л.Т. Указ. соч. 2000. С.278-307; Овчинникова Н.В., Хохлов А.А. Исследование грунтового могильника у с. Гундоровка в лесостепном Поволжье // Тверской археологический сборник. Вып.3. Тверь, 1998. С.288-299.
- ¹⁴ Богданов С.В. Большой Дедуровский Мар // Археологические памятники Оренбуржья. Вып.2. Оренбург, 1998. С.17-37.
- ¹⁵ Герасимов М.М. Указ. соч. 1955. С.505-514.
- ¹⁶ Хохлов А.А., Китов Е.П. Предварительное сообщение о палеоантропологическом материале эпохи средней бронзы могильника Буланово I // Вестник Челябинского государственного университета. №6 (144). История. Вып.30. Челябинск, 2009. С.5-7.
- ¹⁷ Халятин М.В. Первый бескурганый могильник синташтинской культуры в степном Приуралье // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001. С.417-424.
- ¹⁸ Хохлов А.А. Краниология могильников потоповского типа в Поволжье, синташтинского и петровского – в Казахстане // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века (Материалы международной научной конференции). Волгоград, 1996. С.113-118; Хохлов А.А. Палеоантропология эпохи бронзы Самарского Поволжья // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000. С.309-332; Хохлов А.А. К вопросу о монголоидных черепах эпохи бронзы Волго-Уралья // Вестник Челябинского государственного университета. №6 (144). История. Вып.30. Челябинск, 2009. С.8-11.

RARITY PALEOANTHROPOLOGICAL MATERIALS OF THE MIDDLE BRONZE AGE OF SAMARA VOLGA AND URAL REGION

© 2010 A.A. Khokhlov

Volga Region Academy of Social Sciences and Humanities, Samara

The article deals with craniological findings, which date back to the Abashevo and Volsk-Lbishche cultures of the Middle Bronze Age and came from the burial grounds of Samara Volga and Ural Region. Their racial interpretation and directions of genetic bonds are presented. These materials are also analyzed in connection with the problem of the origin of the ancient Ural anthropological type in the social environment of the Potapovo-Sintashta circle of cultures.

Key words: morphological type, craniological complex, racial-genetic connections.